

наизусть знаетъ тотъ квадратъ на коврѣ, съ котораго онъ повернется назадъ. Вотъ онъ принялся за свою ежедневную прогулку; но проходитъ нѣсколько секундъ, прежде нежели онъ произноситъ первую фразу.

Она ждетъ съ перомъ въ рукахъ и въ это же самое время слѣдить за нимъ глазами, причемъ чувство искренняго сожалѣнія просыпается у нея въ душѣ.

«Какъ ужасно быть старымъ! какъ ужасно быть безобразнымъ, непривлекательнымъ, нелюбимымъ!»

— Я считаю нужнымъ извиниться передъ вами,—говоритъ она мягко и нерѣшительно,—за вчерашнія рѣзкія слова, сказанныя мною на вашъ счетъ при Сарѣ; вы, вѣроятно, уже позабыли про нихъ,—прибавляетъ она нервно смѣясь,—но во всякомъ случаѣ я буду спокойнѣе, высказавъ вамъ, что сожалѣю о нихъ.

Намѣреніе, съ какимъ это сказано, прекрасно; но было бы, пожалуй, благоразумнѣе и тактичнѣе не напоминать о нанесенной обидѣ, хотя бы даже и съ цѣлью извиниться за нее.

Выраженіе лица профессора показывало, что онъ ее не забылъ.

— Мнѣ кажется,—сухо отвѣтилъ онъ,—что такъ какъ мы уже опоздали, то лучше будетъ, если мы примемся прямо за дѣло.

Съ минутой или двѣ Белинда сидитъ, наклонивъ голову надъ столомъ, вся вспыхнувъ и досадуя на то, что сама накликала на себя такое униженіе. Но вскорѣ спокойствіе снова возвращается къ ней. Только тѣ раны болятъ, которыя нанесены людьми, которыхъ мы любимъ.

Въ сущности она сдѣлала свое дѣло. Она *извинилась*. Не все ли равно, какъ это было принято? А состраданіе къ нему давно умерло въ ней. Пусть его старъ, хилъ и малокровенъ,—ни малѣйшей жалости не шевелится у нея въ груди. Она не произнесла больше ни слова, которое бы не касалось прямо ихъ занятій.

Все утро часъ за часомъ прохаживается профессоръ отъ одной клѣтки на коврѣ до другой, подыскивая изысканныя, классическія фразы. А она послушно записываетъ ихъ за нимъ.

Солнце высоко поднимается въ небѣ; сонныя мухи ползаютъ по оконнымъ стекламъ. Ласточки проносятся мимо оконъ, поминутно раздаются звонокъ у двери, пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ булочники и мясники; но она ни на минуту не отвлекается отъ своего дѣла. Она добросовѣстно работаетъ, чтобы не навлечь на себя ни его упрековъ, ни своихъ собственныхъ. А когда работа будетъ окончена—она весело станетъ отдыхать. Что-жъ! солнце еще высоко будетъ стоять въ небѣ; ласточки все еще бу-